

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

natshar@mail.ru

Рец. на кн.: Литературное наследство. Том 105: Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев; науч. ред. М. Л. Спивак; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад. – М.: Наука, 2016. – 1120 с.

Филологическая серия «Литературное наследство», задуманная известным литературоведом, искусствоведом и коллекционером Ильей Зильберштейном в 1931 году, приобрела законное уважение, и в настоящее время на ней лежит печать академичности, особой выверенной точности и научного авторитета. В нынешнем 2021 году серия отмечает свое 90-летие.

В отечественной филологической науке в последние три десятилетия XX и особенно в начале XXI века значительно возрос интерес к наследию виднейшего русского писателя-символиста, поэта, критика, непревзойденного новатора в области языка, ритма, стиля, создателя «орнаментальной прозы» и оригинального мыслителя Андрея Белого (Б. Н. Бугаева, 1880–1934). Только в последнее десятилетие вышли в свет публицистические, критические и эстетические произведения писателя, его работы в области стиховедения и теории стиха, сложнейший философский и культурологический труд «История становления самосознающей души».

Вышедший в 2016 году 105-й том «Литературного наследства» восполнил некую лауну в этом издательском «марафоне». Благодаря усилиям составителей тома – виднейшим исследователям литературы Серебряного века: академику РАН А. В. Лаврову и известному во всем гуманитарном мире слависту, руководителю русской кафедры Гарвардского университета Дж. Малмстаду, а также научному редактору тома – директору «Мемориальной квартиры Андрея Белого» (г. Москва) М. Л. Спивак, в свет вышли уникальные, ранее не опубликованные в полном объеме (некоторые – лишь фрагментарно) автобиографические материалы, а именно: 1-й раздел: «Автобиографии» (1927, 1929 годы); 2-й раздел: «Материал к биографии», «Ракурс к дневнику» (оба – 1929 год); 3-й раздел: богатейший и разнообразнейший, ранее не изданный биографический материал, к примеру:

«Жизнь без Аси» (А. Тургеневой, первой жены писателя), «Материалы к биографии. 1916–1927», материалы, фиксирующие публикационную и издательскую деятельность, места, в которых был писатель, особые материалы, связанные с погружением Андрея Белого в антропософское учение («Оккультные переживания», «Свидания с Доктором» (Доктором ученики называли основоположника антропософии Р. Штайнера) и многое другое; 4-й раздел: дневники 1930-х годов Андрея Белого.

Каждый раздел сопровождается богатым справочным аппаратом, откомментированы встречающиеся имена, события, понятия и др. Причем объем комментариев иногда превышает само автобиографическое произведение. Завершает этот фундаментальный том указатель иллюстраций (сост. Е. В. Наседкина) и аннотированный указатель имен (сост.: А. В. Лавров, Дж. Малмстад, М. Л. Спивак).

Отличительная черта этих автобиографических сводов – это, по словам издателей тома, то, что они «лишены тенденциозности», написаны Андреем Белым для внутреннего употребления, упорядочения жизненных фактов, памяти о важнейших событиях духовной жизни и фактах публицистической, литературной и иной сфер деятельности.

Издатели тома предупреждают читателя, что «Материал к дневнику» есть опыт «внутренней биографии» (с 1899 по 1915 год), созданный «для себя», в котором акцент сделан на впечатлениях, событиях, духовных и непосредственно оказавших влияние на становление мировоззрения Андрея Белого. Тогда как «Ракурс к дневнику» – опыт, документированный, так сказать, «внешней биографии» (с 1899 по 1930 год), где на первое место выходят факты, связанные со всевозможными выступлениями писателя, прочитанными им лекциями, в этом дневнике представлена своеобразная регистрация встреч и разговоров Андрея Белого со своими друзьями, соратниками, знакомыми, с участниками и свидетелями русского

Серебряного века (к примеру: 1916 год, ноябрь, Москва: «встречи с Буниным, Зайцевым, Ходасевичем» (с. 430) или 1916, Сергиев Посад: «дружба с Танечкой и С. М. Соловьевым (племянником русского философа Вл. Соловьева, поэтом, другом детства Андрея Белого, впоследствии священником. – Н. Ш.); беседы с Флоренским»), а также с представителями антропософского движения за рубежом. По сути, сами автобиографические своды воссоздают не только (и это немаловажно!) внешние и внутренние факторы формирования духовного, художественного, жизненного портрета Андрея Белого, но и дают богатейший дополнительный материал для создания культурного ландшафта всего Серебряного века и первых десятилетий культурной жизни Советской России.

Автобиографический ракурс важен для интерпретации художественных произведений большинства писателей и поэтов, но есть такие, как Андрей Белый, для которых «биографический опыт служит не только стимулом для творчества, но и непосредственным содержанием этого творчества» (с. 5). Ранние литературные Симфонии представляют собой биографический, духовный, ментальный «срез» жизни Андрея Белого, фиксируют в художественно-преломленном виде события начинающего писателя-символиста. В Симфонии (2-й, драматической) автор шифрует свой «аргонавтический» опыт, запечатлевает свои духовные прозрения, утопии, предчувствия, окрашенные идеями философии В. Соловьева и Ф. Ницше. Автобиографизм образов, тематики, идейного комплекса (знамения грядущего апокалипсиса, «священное значение России», мистическое неонародничество) составляет один из содержательных уровней текста Симфонии. Для понимания и расшифровки его как нельзя лучше подойдет «Материал к биографии» (1-я часть всего корпуса рецензируемого тома), составленный самим Андреем Белым и позволяющий подробно проследить все отмеченные автором знаковые события.

Интереснейшими в «Материале к биографии» предстают записи, помеченные 1913–1915 годами, когда Андрей Белый открыл для себя тайноведение Рудольфа Штайнера и стал адептом антропософского учения. Без понимания антропософских мотивов, образов сложно, даже подчас невозможно истолковать ту или иную сцену в романе «Петербург» (1913). Столь же необходим выход исследователя на антропософский уровень при интерпретации последнего романа «Москва» (1926–1930), первая часть которого («Московский чужак») создавалась параллельно с «Воспоминаниями о Р. Штайнере» (1925).

В романах «Петербург» и «Москва», повестях, посвященных атмосфере профессорского

дома и формированию сознания ребенка («Котик Летаев», «Крещеный китаец»), поэме «Первое свидание» – везде мы видим, что пережитое, осмысленное, увиденное Б. Н. Бугаевым становится тем самым «непосредственным содержанием» этих прозаических и поэтических произведений. Для понимания более поздних периодов творчества в «Автобиографических сводах» представлен «Ракурс к дневнику» и «Дневники 1930-х годов».

«Дневники 1930-х годов» – одни из самых загадочных и ожидаемых исследователями составляющих тома. 4-й раздел представлен такими дневниковыми записями, как «Выдержки из дневника Андрея Белого за 1930–1931 гг.», «Из дневника 1931 г.», «Дневник. 32-ой г.», «Дневник 1933 года». Интерес к последнему этапу творчества Андрея Белого (20–30-е годы XX века) стремительно возрос. Это был крайне сложный, противоречивый, тревожный, но вместе с тем плодотворный период. Свое существование в это время сам Андрей Белый в письме к Иванову-Разумнику обозначил как «катакомба». Так, в записи от 1 января 1930 года читаем: «Господи, Боже мой, не новый год встречаем, а новый период. Два маленьких слабых существа спят, схватясь за руки, и поднимают к тебе, Боже, с мольбою глаза, и просят, просят, просят» (с. 843).

4-й раздел сопровождает подробная, отчасти со следами детективного расследования статья М. Л. Спивак «Поздние дневники Андрея Белого: пропавшие и уцелевшие», которая проясняет непростую и порой драматическую историю существования московских антропософов, арест как самих участников антропософского кружка (с 27.04.1931), так и архивных документов (включая дневники с 1925 по 1931 год) Б. Н. Бугаева. Поздние дневники были утрачены или пропали в недрах спецхрана ОГПУ. М. Л. Спивак восстанавливает в общих чертах, чему был посвящен пропавший дневник (с опорой на переписку писателя этих лет и на «Ракурс к дневнику»).

Особо хочется подчеркнуть иллюстративную сторону научного издания (сост. Е. В. Наседкина, ст. науч. сотрудник Мемориальной квартиры): все фотографии подобраны согласно событиям, описанным в дневниковой прозе, они сопровождают чтение и делают его зрительно-выпуклым.

Изданный в «Литературном наследстве» труд, вводящий в научный оборот богатейший автобиографический материал, уже востребован, но думается, что ему предстоит прийти не только к профессионалу-филологу, но и широкому читателю, всем тем, кто хочет приблизиться к пониманию уникального периода русской культуры – эпохи Серебряного века и переломного этапа – 20–30-х годов XX века.